

УДК 341.64

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СПОРОВ ПОСРЕДСТВОМ АРБИТРАЖА В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ

© 2024 г. Е. П. Русакова*, Е. Е. Фролова**

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва

* E-mail: rusakova-ep@rudn.ru

** E-mail: frolova-ee@rudn.ru

Поступила в редакцию 02.11.2023 г.

Аннотация. Интенсивный рост цифровой экономики создал предпосылки появления нового механизма коммуницирования сквозь преграды времени и границы, что повлияло на все сферы жизнедеятельности общества, в т.ч. на область разрешения споров. Появление совершенно новых объектов гражданских прав в метавселенной требует от законодателя выработки правовой основы их функционирования. Необходимость создания специальных механизмов разрешения, так называемых цифровых споров, назрела уже давно, причем их правовая природа может быть совершенно разной, как связанной с активным интегрированием информационно-коммуникационных технических средств, так и нет, возникающих в области финансов, торговли, интеллектуальной собственности. Совершенно очевидно, что основными особенностями таких общественных отношений является то, что их возникновение никак не зависит от времени и границ. Таким образом, способ разрешения цифровых споров должен соответствовать этим специфическим чертам.

Зарубежный опыт разрешения цифровых споров указывает на то, что нет такой реальности, в которой можно было их избежать. Даже хорошо созданный смарт-контракт на блокчейне не дает гарантии отсутствия возникновения спорных ситуаций. Здесь возникает проблема выбора адекватного способа разрешения таких споров, который бы соответствовал необходимым условиям, а именно обязательности и исполнимости, и, что самое главное, соответствовал специфическим чертам.

Мировое сообщество в области разрешения цифровых споров предпочло выбрать в качестве основы арбитраж как наиболее распространенный, гибкий, независимый и быстрый способ разрешения споров. Широкое распространение получило включение в смарт-контракты арбитражной оговорки и принятие различных правил разрешения цифровых споров. Однако и здесь возникают правовые коллизии и пробелы регулирования цифровых прав, что требует выработки единого унифицированного подхода и имплементации его в национальное законодательство. Кроме того, внутренняя регламентация процедуры разрешения споров в блокчейне также создает ряд нерешенных вопросов.

Одним из наиболее развитых правовых порядков в области разрешения цифровых споров традиционно являются Англия и Уэльс. За последние несколько лет был осуществлен ряд правовых инициатив, оказавших существенное влияние на развитие данной области, а также реформирование арбитражного законодательства создало все предпосылки для выработки наиболее благоприятных условий сторонам цифрового спора передать спор на рассмотрение английскому арбитражу в соответствии с правом Англии и Уэльса.

Ключевые слова: арбитраж, ончейн-арбитраж, блокчейн, разрешение цифровых споров, закон, смарт-контракты, смарт юридические контракты, гибридный арбитраж, Англия и Уэльс.

Цитирование: Русакова Е.П., Фролова Е.Е. Об эффективности разрешения цифровых споров посредством арбитража в Англии и Уэльсе // Государство и право. 2024. № 1. С. 179–187.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

DOI: 10.31857/S1026945224010172

ON THE EFFECTIVENESS OF DIGITAL DISPUTE RESOLUTION THROUGH ARBITRATION IN ENGLAND AND WALES

© 2024 E. P. Rusakova*, E. E. Frolova**

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

* E-mail: rusakova-ep@rudn.ru

** E-mail: frolova-ee@rudn.ru

Received 02.11.2023

Abstract. The intensive growth of the digital economy has created the prerequisites for the emergence of a new mechanism of communication through the barriers of time and borders, which has affected all areas of society, including the area of dispute resolution. The emergence of completely new objects of civil rights in the metaverse requires the legislator to develop a legal basis for their functioning. The need to create special mechanisms for resolving so-called digital disputes has been overdue for a long time, and their legal nature can be completely different, both related to the active integration of information and communication technology, and not arising in the field of finance, trade, intellectual property. It is quite obvious that the main features of such social relations are that their occurrence does not depend on time and boundaries. Thus, the way to resolve digital disputes should correspond to these specific features.

Foreign experience in resolving digital disputes indicates, that there is no reality in which they could be avoided. Even a well-created smart contract on the blockchain does not guarantee the absence of controversial situations. Here the problem arises of choosing an adequate way to resolve such disputes, which would meet the necessary conditions, namely, binding and enforceability, and most importantly, correspond to specific features.

The global community in the field of digital dispute resolution has chosen arbitration as the basis as the most common, flexible, independent and fast way to resolve disputes. The inclusion of an arbitration clause in smart contracts and the adoption of various rules for resolving digital disputes has become widespread. However even here there are legal conflicts and gaps in the regulation of digital rights, which requires the development of a single unified approach and its implementation into national legislation. In addition, the internal regulation of the dispute resolution procedure in the blockchain also creates a number of unresolved issues.

One of the most developed legal systems in the field of digital dispute resolution is traditionally England and Wales. Over the past few years, a number of by-laws have been adopted that have had a significant impact on the development of this area, as well as the reform of arbitration legislation have created all the prerequisites for creating the most favorable conditions for the parties to a digital dispute to submit the dispute to English arbitration and in accordance with the law of England and Wales.

Key words: arbitration, on-chain arbitration, blockchain, digital dispute resolution, law, smart contracts, smart legal contracts, hybrid arbitration, England and Wales.

For citation: *Rusakova, E.P., Frolova E.E. (2024). On the effectiveness of digital dispute resolution through arbitration in England and Wales // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 179–187.*

The study is funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Юридическая рабочая группа Великобритании в 2021 г. разработала «Правила разрешения цифровых споров», связанных с криптоактивами, криптовалютой, смарт-контрактами, технологией распределенного реестра и финтех-приложениями в соответствии с законодательством Англии и Уэльса¹.

Данные правила включают в себя новые для практики разрешения споров термины: цифровой актив, автоматический процесс разрешения спора, необязательная анонимность участников процесса и др. Для применения этих

правил на практике в договор, цифровой актив (криптоактив, цифровой токен, смарт-контракт или другой носитель цифрового актива) или систему цифровых активов (цифровая среда и платформа, в которой содержится цифровой актив) должно быть включено условие о том, что любой спор должен быть разрешен в соответствии с «Правилами разрешения цифровых споров» («UK JT Digital Dispute Resolution Rules»)² (далее – Правила). Следует отметить, что стороны могут включать и другие условия, касающиеся процедуры разрешения цифровых споров, в т.ч. сроков, расходов, квалификации арбитров или экспертов,

¹ См.: Digital Dispute Resolution Rules: Challenging awards under the Arbitration Act 1996. URL: <https://www.scl.org/articles/12544-digital-dispute-resolution-rules-challenging-awards-under-the-arbitration-act-1996> (дата обращения: 10.10.2023).

² См.: Digital Dispute Resolution Rules UK Jurisdiction Taskforce. URL: <https://perma.cc/FT6E-CUD3> (дата обращения: 10.10.2023).

анонимности; что точно нельзя изменить, так это место проведения данной процедуры – Англия и Уэльс.

Данные правила регламентируют процедуру проведения арбитража, но только в том случае, если данный спор не был предметом автоматического разрешения спора. Под автоматическим процессом подразумевается процедура разрешения спора между сторонами путем автоматического выбора лица, группы лиц или технологии искусственного интеллекта, чьи голоса или решение исполняются непосредственно в системе цифровых активов (включая осуществление различных операций, изменение, отмену, создание или передачу цифровых активов).

Начало разбирательства начинается с отправки истцом претензии ответчику, в которой должна содержаться следующая информация: идентификационные данные истца, электронные контактные данные сторон, краткое содержание претензии, выбор средства правовой защиты, краткое объяснение основания применения данных правил к спору, предложение по оплате или обеспечению гонораров и иные материалы, имеющие отношение к иску, включая подтверждающие документы, цифровые материалы, показания свидетелей и любые предложения по проведению процедуры разрешения спора.

Ответчик, после получения претензии, должен в течение трех дней направить первоначальный ответ на иск истцу, соответчикам и назначающему органу, в котором должны содержаться идентификационные и электронные контактные данные ответчика, комментарии к иску, предложения к процедуре и оплате услуг органа, разрешающего спор, и арбитражного суда, а также приложить другие материалы.

Назначающий орган обязан сформировать состав арбитража или выбрать кандидатуры экспертов в кратчайшие сроки после получения первоначальных ответов сторон. В процессе данного выбора необходимо учитывать любые предпочтения, указанные или согласованные сторонами в отношении количества, личности или квалификации данных кандидатур, причем периодически назначающий орган может публиковать краткую статистику таких назначений и предмет возникающих споров.

Касаемо процедуры, трибунал имеет приоритетное право определять, какая процедура должна быть применена для разрешения спора с учетом справедливого и беспристрастного отношения к сторонам, предоставив каждой стороне право изложить свою позицию и ознакомиться с доводами противоположной стороны. Выбор процедуры должен обеспечить ее экономность и быстроту, в т.ч. за счет применения различных технологий. Проведение устных слушаний не предусматривается Правилами, более того, трибунал может вынести решение на основе представленных письменных доказательств и ответов сторон. Форма и процедура представления доказательств также определяются трибуналом, причем приоритет отдается электронному виду. Такой подход значительно сокращает сроки рассмотрения дела, хотя Правилами установлен 30-дневный срок с момента формирования трибунала, но он может быть значительно сокращен по соглашению сторон.

Помимо процедуры арбитража в правилах закреплены еще одна процедура разрешения споров, но она больше подходит для решения конкретного фактического вопроса: это экспертное заключение. Особое значение данная процедура имеет для разрешения цифровых споров, т.к. требуется зачастую быстрая оценка или установление определенного факта. Кроме того, стороны могут сами договориться,

когда и как будет применяться процедура экспертного заключения.

Особенностью осуществления процедуры разрешения споров, связанных с цифровыми активами, является то, что трибунал полномочен осуществлять контроль и изменение цифровых прав сторон процесса путем использования цифровой подписи, криптографического ключа, пароля, а также предписывать стороне спора осуществить аналогичные действия. Таким образом, большинство вопросов, связанных с исполнением решения трибунала, урегулированы самой процедурой. Все акты трибунала должны быть составлены в письменной форме (электронной) и подписаны, в т.ч. цифровой подписью или криптографическим ключом.

Правила закрепляют принцип ограниченной анонимности, согласно которому стороны спора могут участвовать в процессе анонимно, в т.ч. это касается всех предоставляемых процессуальных документов, а трибунал, в свою очередь, не должен раскрывать их идентификационные данные, за исключением случаев, когда раскрытие необходимо для справедливого разрешения спора и обеспечения исполнимости актов трибунала, а также арбитражного решения, причем как для защиты собственных интересов трибунала, так и в соответствии с положениями закона или постановлением и распоряжением суда. Кроме того, если арбитражное решение имеет, по мнению трибунала, общественное значение, то с согласия сторон оно может быть опубликовано в анонимной форме.

Трибуналы, назначенные для рассмотрения различных споров, посредством арбитража могут объединиться в объединенный или консолидированный состав при наличии их согласия, чтобы разрешить дела.

Согласно Правилам применимым правом к существу спора является законодательство Англии и Уэльса, если стороны не договорились об ином. Решение или постановление трибунала является окончательным и обязательным для сторон, а также не подлежит обжалованию или оспариванию, за исключением положений, закрепленных в Законе об арбитраже 1996 г.

Как следствие, английские юристы обращают внимание на ст. 67, 68 данного Закона, закрепляющие основания для оспаривания арбитражных решений, требующих изменений, связанных со спецификой рассмотрения цифровых споров.

Так, ст. 67 Закона об арбитраже устанавливает материально-правовые основания, связанные с компетенцией, для оспаривания арбитражного решения, а ст. 68 закрепляет в качестве основания для оспаривания решения процессуально-правовые аспекты – серьезное нарушение: процедуры рассмотрения спора трибуналом, формирования состава трибунала или порядка вынесения решения³.

В ст. 67 Закона содержатся положения, касающиеся оспаривания арбитражного решения на основании наличия компетенции у трибунала рассматривать данный спор. Так, сторона арбитражного разбирательства может (после уведомления других сторон и трибунала) обратиться в суд для оспаривания арбитражного решения на основании проверки компетенции трибунала либо оспаривать арбитражное решение полностью или частично, как не имеющее юридической силы, на основании отсутствия компетенции у трибунала.

³ См.: United Kingdom GB437. Arbitration Act 1996 (Chapter 23, updated up to January 27, 2021). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/581448> (дата обращения: 10.10.2023).

Суд на основании поданного заявления, оспаривающего арбитражное решение по вопросу проверки компетенции трибунала, может вынести постановление следующего содержания: 1) подтвердить решение; 2) изменить решение; 3) отменить решение полностью или частично.

Таким образом, ст. 67 Закона закрепляет право стороны не участвовать в арбитражном разбирательстве и обратиться в суд с заявлением: 1) об оспаривании компетенции трибунала; 2) об оспаривании арбитражного решения, причем оспорить решение можно и на стадии его исполнения. Поэтому данная статья у многих английских ученых вызывает беспокойство, т.к. это может привести к тому, что арбитраж станет генеральной репетицией, а суд основным мероприятием; суд вновь рассмотрит дело с самого начала (т.е. путем повторного рассмотрения дела)⁴.

Закон об арбитраже в ст. 68 закрепляет основания так называемого серьезного нарушения, под которым понимается наличие одного или нескольких нарушений, которое привело или приведет к существенной несправедливости по отношению к заявителю, а именно: несоблюдение трибуналом общих обязанностей; превышение полномочий трибуналом (рассмотрение спора вне своей компетенции); неспособность трибунала провести разбирательство в соответствии с процедурой, согласованной сторонами; неспособность трибунала рассмотреть все вопросы, которые были перед ним поставлены; арбитражное учреждение или любое другое лицо, рассматривающее спор, превысило свои полномочия в отношении процедуры или решения; неопределенность или двусмысленность в отношении последствий арбитражного решения; арбитражное решение получено мошенническим путем или противоречит публичному порядку; не соблюдена форма арбитражного решения и иные нарушения процедуры разрешения спора или арбитражного решения.

В случае выявления судом вышеуказанных обстоятельств суд вправе: а) передать арбитражное решение трибуналу, полностью или частично, для повторного рассмотрения; б) отменить арбитражное решение полностью или частично или в) объявить арбитражное решение недействительным полностью или частично.

Английский юрист Джонатан Шаффер-Годдард обращает внимание на противоречие положений Правил разрешения цифровых споров нормам Закона об арбитраже 1996 г., связанным с принудительным исполнением арбитражных решений судом; анонимностью между сторонами; «автоматическим разрешением споров», являющимся юридически обязательным для сторон⁵.

Нельзя не согласиться с опасениями, вызванными возможностью внесения изменений в цифровые активы (управлять, изменять, подписывать или аннулировать любой цифровой актив, имеющий отношение к спору), еще в процессе разрешения спора, что может привести к тому, что принудительное исполнение решения трибунала может быть осуществлено еще до момента вынесения арбитражного

решения⁶. Такой подход нарушает процедуру разрешения спора арбитражем, а также делает невозможным приостановление процедуры исполнения арбитражного решения даже при наличии серьезных оснований и обеспечения исковых требований. Кроме того, такое изменение цифровых прав нарушает основополагающие принципы процесса, а именно — состязательности, диспозитивности, окончательности и обязательности арбитражного решения и др. Так, стороны вправе в процессе разрешения спора пользоваться всеми процессуальными правами для того, чтобы предоставить аргументы и подтвердить свои требования с целью получения справедливого арбитражного решения, поэтому положения ст. 11 Правил коренным образом изменяют парадигму разрешения споров и исполнения решений.

Следует обратить внимание еще на одну особенность процедуры разрешения цифровых споров — ограниченная анонимность сторон процесса. Несмотря на закрепленные положения в Правилах, сторонам необходимо учитывать это как основание для возможного оспаривания такого решения как противоречащего положениям Закона об арбитраже, так как, согласно положениям Закона, термин ограниченной анонимности нигде не встречается, кроме Правил. И здесь возникает вопрос: нарушается ли порядок разрешения спора?

Еще одной особенностью Правил является возможность автоматического разрешения споров, решение которого имеет обязательную силу для сторон. На практике чаще всего речь идет о смарт-контракте, в алгоритме которого уже закреплен механизм разрешения спора. В таком случае распространенной ситуацией будет обращение сторон к арбитражной процедуре с целью подтверждения решения, полученного в процессе автоматического разрешения спора, для завершения данной процедуры в форме получения арбитражного решения, что также поставит под сомнение соответствие данной процедуры ст. 67 и 68 Закона об арбитраже⁷.

Кроме того, как подчеркивает Джонатан Шаффер-Годдард, продолжает сохраняться неопределенность при определении юрисдикции или в случае коллизии законов по спорам о распределенных реестрах, а также остается неясным, каким образом будут исполняться такие решения в странах — участницах Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.⁸

Основной задачей разработчиков Правил является создание механизма разрешения споров, который максимально бы обладал гибкой процедурой, адаптированной для интегрирования в нее современных технологий, а также обеспечение исполнимости таких решений не только на территории Англии и Уэльса, но и во всем мире, поэтому арбитраж как альтернативный способ разрешения споров был взят за основу для реализации данной задачи.

По мнению юриста Дерика Йео, традиционный арбитраж все чаще включает в свою деятельность современные технологии, поэтому различие между онлайн-арбитражем и арбитражем становится менее очевидным.

⁴ См.: Amendments to the Arbitration Act 1996? A look at the law commission's review. URL: <https://www.stevens-bolton.com/site/insights/articles/amendments-to-arbitration-act-1996-the-law-commissions-review> (дата обращения: 10.10.2023).

⁵ См.: Digital Dispute Resolution Rules: Challenging awards under the Arbitration Act 1996. URL: <https://www.scl.org/articles/12544-digital-dispute-resolution-rules-challenging-awards-under-the-arbitration-act-1996> (дата обращения: 10.10.2023).

⁶ См.: *Rusakova E.P., Frolova E.E.* Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. 2022. Vol. 26. No. 3. Pp. 695–704. DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704

⁷ См.: Digital Dispute Resolution Rules: Challenging awards under the Arbitration Act 1996. URL: <https://www.scl.org/articles/12544-digital-dispute-resolution-rules-challenging-awards-under-the-arbitration-act-1996> (дата обращения 10.10.2023).

⁸ См.: *ibid.*

Таким образом, благодаря усовершенствованным технологиям и автоматизации процесса менее важные действия будут выполняться онлайн-службами разрешения споров, а решение сложных задач, связанных с разрешением спора, будут выполнять арбитры⁹.

Согласно Правилам разрешения цифровых споров все положения, закрепленные в них, применяются с учетом Закона об арбитраже, дополняя и уточняя данную процедуру. Необходимо отметить, что Англия и Уэльс всегда были проарбитражной юрисдикцией, поэтому наделение арбитража компетенцией разрешать цифровые споры является закономерным. Исходя из процедуры рассмотрения спора, в арбитраже можно выделить ряд преимуществ по сравнению с другими способами разрешения цифровых споров: гибкость, быстрота, возможность выбора арбитра(ов), высококвалифицированных в определенной области, но, что самое главное, — это возможность принудительного исполнения арбитражного решения в других странах — участниках Нью-Йоркской конвенции.

Разработчики Правил также решили вопрос, связанный с проблемой определения применимого права в цифровых спорах, в которых весьма сложно определить, закон какого государства должен применяться в конкретном случае, указывая на применение английского права. Следует отметить, что в Англии и Уэльсе достаточно развито законодательство в данной области, а также судебная практика. Одним из амбициозных документов, регулирующих вопросы, связанные с определением цифровых активов, стал документ, разработанный юридической комиссией Англии и Уэльса под названием «Смарт-юридические контракты: рекомендации Правительству», опубликованный в 2021 г.

В данных рекомендациях дается определение смарт-контракта, определены формы и особенности заключения данных контрактов, установлен порядок их формирования, толкование, средства правовой защиты, определены механизмы защиты прав потребителей в смарт-контрактах, а также решены юрисдикционные вопросы.

Новые конструкции договоров (таких как смарт-контракт) заставляют стороны задуматься о механизме разрешения спора, т.к. их самоисполняемость не гарантирует их бесспорность. Многие пользователи стремятся избежать обращения к судебному и арбитражному способу защиты прав, делая упор на внутренние механизмы разрешения споров, что приводит к появлению новых способов онлайн-разрешения споров. Однако на практике возникают вопросы: как эти решения будут исполняться и признаваться за рубежом? Поэтому арбитраж как альтернатива государственному способу разрешения споров является наиболее привлекательным.

Несмотря на предпринятые шаги, еще остается достаточно большой массив нерешенных вопросов. Так, только в сентябре 2023 г. закончилась работа Юридической комиссии по реформированию Закона об арбитраже 1996 г.¹⁰ Многие юристы ожидали прогрессивных изменений данного Закона, особенно это касалось положений, связанных

с интегрированием информационно-коммуникационных технологий в процесс разрешения споров, однако комиссия посчитала иначе, отдав этот вопрос на усмотрение самих арбитражных учреждений, учреждений и лиц, осуществляющих данную процедуру.

Одним из вопросов, который был исследован в рамках реформы, стал принцип конфиденциальности в арбитраже, согласно которому стороны арбитража могут сами определить уровень конфиденциальности в своих взаимоотношениях, что обеспечивается законодательством Англии и Уэльса. Однако существуют исключения из данного правила, которые установлены законодательством, прецедентным правом, а также некоторые изъятия содержатся в самих регламентах арбитражных учреждений, причем этот список не является исчерпывающим. Например, в инвестиционном арбитраже, в котором стороной выступает государство, преобладает принцип прозрачности, а не конфиденциальности. В целом комиссия посчитала, что нынешний подход следует оставить без изменений.

Данное мнение комиссии поддерживает большинство английских юристов, которые считают, что Закон об арбитраже не должен включать отдельное положение, касающееся конфиденциальности, т.к. это обеспечивается судами.

Внимание комиссии привлекла ст. 67 Закона, касающаяся оспаривания компетенции арбитражных учреждений, учреждений и лиц, рассматривающих спор посредством арбитража. Проблема заключается в том, что на практике возникает ситуация, когда сторона, не желающая, чтобы спор был рассмотрен в арбитраже, обращается в суд, чтобы оспорить его компетенцию и не исполнять арбитражное решение. Здесь возникает вопрос: сторона оспаривает компетенцию или само арбитражное решение? В этом случае спор будет рассмотрен повторно. Юридическая рабочая группа предлагает исключить эту возможность, чтобы, если сторона участвует в арбитраже, а затем оспаривает компетенцию в соответствии со ст. 67, суд рассматривал это заявление в рамках процедуры апелляции, а не повторного рассмотрения. Поэтому предлагается заменить п/п. 3 ст. 67: «(3) По заявлению стороны, в соответствии с настоящей статьей, суд может постановлением — (а) утвердить арбитражное решение, (б) изменить арбитражное решение, (в) передать арбитражное решение трибуналу полностью или частично на повторное рассмотрение, (г) отменить решение полностью или частично, или (д) признать арбитражное решение недействительным полностью или в части»¹¹.

Однако суд не должен использовать свои полномочия по отмене или признанию недействительным арбитражного решения полностью или в части, за исключением случаев, когда суд посчитает, что передавать дело в трибунал на повторное рассмотрение нецелесообразно.

Сэм Браун, старший юрист компании Clifford Chance LLP, объясняет, что вопросы, связанные с определением юрисдикции и выбора суда по спорам, связанным с криптоактивами и смарт-контрактами, изначально затруднено. Так как речь идет о нематериальных активах, которые существуют в виде записей в децентрализованных сетях с точками соприкосновения в нескольких юрисдикциях, стороны таких сделок часто друг другу неизвестны и определить их принадлежность определенной юрисдикции невозможно. Отчасти данную проблему решают соглашения сторон о выборе применимого права и юрисдикции, где такие споры должны быть рассмотрены. Английские

⁹ См.: Yeoh D. Is online dispute resolution the future of alternative dispute resolution? Kluwer arbitration blog. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/03/29/online-dispute-resolution-future-alternative-dispute-resolution/> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁰ См.: Review of the Arbitration Act 1996: Final report and Bill. URL: <https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/lawcom-prod-storage-11jsou24uy7q/uploads/2023/09/Arbitration-final-report-with-cover.pdf> (дата обращения: 19.09.2023).

¹¹ Ibid.

суды исходят из коллизивной привязки *Lex situs*, а в отношении нематериального актива она толкуется как закон места жительства владельца (Дело *Tulip Trading npomiv Bitcoin*, 2022)¹². Совершенно очевидно, что в разных государствах может применяться иной подход к определению юрисдикции в таких спорах, поэтому очень важно выработать единый, унифицированный подход.

Несмотря на преимущества арбитражного способа защиты прав (гибкость процедуры, выбор арбитра (специализирующегося в конкретной области), конфиденциальность и исполнимость арбитражных решений), он не всегда применим к смарт-контрактам и криптоактивам, т.к. отсутствует возможность заключения арбитражного соглашения между сторонами, а это — одно из важнейших условий передачи спора на рассмотрение в арбитраж.

Обращаясь к английскому праву, вопросы о юрисдикции споров, возникающих из смарт-контрактов, урегулированы ранее упоминавшимся актом «Смарт-юридические контракты: рекомендации Правительству».

При отсутствии соглашения о юрисдикции между сторонами суд Англии и Уэльса может обладать юрисдикцией для вынесения решения по спору из смарт-контракта, если: 1) бланк иска был вручен ответчику во время его физического присутствия в Англии и Уэльсе; 2) суд дает разрешение на подачу искового заявления ответчику, который физически не присутствует в Англии и Уэльсе, поскольку имеется веское доказательство, что иск подпадает под действие одного или нескольких юрисдикционных правил, изложенных в п. 3.1 Практического руководства Правил гражданского судопроизводства 1998 г., и существует вероятность того, что иск подпадает под действие одного или нескольких юрисдикционных правил, требующих рассмотрения в связи с важностью дела; или 3) ответчик подчиняется юрисдикции суда.

Кроме того, закрепляется правило, что даже если спор подпадает под юрисдикцию Англии и Уэльса, но, по мнению суда, спор может быть разрешен судом другой правовой системы, то он не обладает юрисдикцией его рассматривать. Основопологающим принципом в этой ситуации является обязанность суда определить суд, в котором дело будет надлежащим образом разрешено в интересах сторон и отправления правосудия¹³.

На практике юрисдикция может зависеть от места нахождения или места жительства договаривающейся стороны, а также от места и способа формирования смарт-контракта, при наличии возможности идентифицировать ответчика. Однако в большинстве случаев стороны не смогут друг друга идентифицировать из-за широкого распространения псевдонимизации в некоторых технологических системах. Псевдонимизация — один из способов хранения личной информации, согласно Общему регламенту по защите данных Европейского союза.

Основание для определения юрисдикции, связанное с вручением иска ответчику, когда он находился на территории Англии и Уэльса, также является мало реалистичным для смарт-контракта; фактически, по мнению

Юридической комиссии, это основание — препятствие для обращения в суд вообще. Интерес представляет основание для определения юрисдикции, связанное с обстоятельством, при которых заключается смарт-контракт. По общему правилу речь идет о том, что смарт-контракт должен быть заключен на территории Англии и Уэльса.

Общий подход заключается в том, что смарт-контракт заключается в момент и в месте, где оферент получил акцепт, а именно в Англии и Уэльсе. Еще одной особенностью заключения смарт-контракта является то, на чем он будет основываться, наиболее сложным является код. Здесь существуют два типа смарт-контракта: одностороннего заключения и заключенный в результате автономного взаимодействия компьютерных программ.

Для односторонних смарт-контрактов, состоящих исключительно из кода, существует определенная степень неопределенности относительно места заключения контракта. Можно сказать, что смарт-контракт заключается в том месте, где выполняется действие, указанное в развернутом коде, или месте, где сообщается о принятии (если это происходит), несмотря на то что фактическое сообщение о принятии обычно не требуется для заключения односторонних контрактов.

Для смарт-контрактов, состоящих исключительно из кода, которые формируются в результате автономного взаимодействия компьютерных программ, существует еще большая степень неопределенности места заключения контракта. В качестве дополнительной альтернативы, если компьютерные программы работают в распределенных реестрах, место заключения контракта может определяться расположением определенного количества участвующих узлов.

Для гибридных смарт-юридических контрактов, которые состоят из терминов, определенных на естественном языке, и терминов, определенных в коде, место заключения контракта будет зависеть от того, на чем основывается смарт-контракт.

В связи со сложностями в определении юрисдикции споров, которые могут возникнуть из смарт-контрактов, большинство специалистов в этой области высказываются о том, что определение юрисдикции целесообразно включать в условия смарт-контракта посредством включения координат.

Следует обратить внимание на то, что, если рассмотреть возможность включения арбитражного соглашения в смарт-контракт, такой путь также не гарантирует определенности. Включение арбитражного соглашения не гарантирует его обязательности в соответствии с английским законодательством. Юридическая рабочая группа выразила сомнение в том, что соглашения о применимом праве, встроенные в компьютерный код, будут иметь обязательную силу (п. 7.74 «Смарт-юридические контракты: Рекомендации правительству»), но не рассматривала арбитражные соглашения. Можно сделать вывод, что нет. Неясно также, будет ли данная форма равносильна письменному арбитражному соглашению, согласно положениям ст. II (1) Нью-Йоркской конвенции¹⁴.

Выработан еще один подход для разрешения споров из смарт-контрактов, а именно включение смарт-арбитражного соглашения, в соответствии с которым спор,

¹² См.: Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/07/arbitration-of-cryptoasset.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

¹³ См.: Kozhokar I.P., Sigalov K.E., Rusakova E.P. Philosophical and legal foundation of the study of legal interpretation technique // Wisdom. 2023. Т. 25. № 1. С. 231–238.

¹⁴ См.: Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/07/arbitration-of-cryptoasset.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

возникший в блокчейне, передается на разрешение посредством арбитража, в процессе которого за счет управления процедурой можно внести изменения в цифровые права, а также осуществлять исполнение арбитражного решения в распределенном реестре, предоставляя возможность отменить или завершить транзакции или даже изменить сам смарт-контракт¹⁵.

Блокчейны предоставляют платформу для развертывания и управления автономными и алгоритмическими системами, которые основываются на программных алгоритмах для контроля доступа к активам и ресурсам. В целом децентрализованные автономные организации представляют собой наиболее продвинутый уровень автоматизации, где организация, основанная на блокчейне, управляется не людьми или групповым решением, а полностью с помощью смарт-контрактов, алгоритмов и детерминированного кода¹⁶.

Процедура ончейн-арбитража получила широкое распространение в смарт-контрактах, среди которых можно выделить следующие.

- Kleros работает на блокчейне Ethereum и основан на использовании процедуры принятия решения «присяжными», избранными добровольно по их собственной воле, большинством голосов. Kleros внедрил так называемую децентрализованную систему разрешения споров, позволяющую рассматривать смарт-контракты в арбитраже присяжными, привлеченными с помощью краудсорсинга¹⁷. Существует практика применения Kleros в гибридном арбитражном процессе (т.е. арбитр, согласно арбитражному соглашению, должен был передать спор на решение Kleros, а затем взять его за основу своего собственного решения и закончить процесс), в результате такое арбитражное решение было приведено в исполнение в мексиканском суде¹⁸. Суд Kleros обещает устанавливать в своих делах «справедливость для несправедливых»¹⁹. Клеман Лесаж, Федерико Аст и Уильям Джордж в своей книге «Революция споров» сравнили суд Kleros с судом в Древних Афинах, когда правосудие вершили на основе воздания равным за равное²⁰.

- Проект Codelegit компании Datarella был создан для преодоления разрыва между законом и блокчейном путем использования в своих смарт-контрактах ссылки на собственные Правила арбитража блокчейна. В случае возникновения спора в смарт-контрактах Codelegit позволяет сторонам приостановить цепочку действий смарт-контракта. Участники смарт-контрактов Codelegit также соглашаются

на арбитраж перед заключением сделки друг с другом, используя арбитражные оговорки Арбитражной ассоциации блокчейна. Таким образом, в случае возникновения спора его автоматически передают на рассмотрение арбитрам для вынесения решения, после чего возобновляется выполнение условий Codelegit смарт-контракта.

- Aragon использует в смарт-контрактах ссылку на разрешение споров посредством арбитража, состоящего из нескольких ступеней. Можно выделить три ступени: первая – первоначальная; вторая – пересмотр, третья – Верховный суд. Таким образом, спор может окончиться в Верховном суде Aragon путем вынесения окончательного решения. Верховный суд состоит из девяти судей согласно рейтингу размера их вознаграждения сети Aragon. Особенностью данной системы является то, что вознаграждение судьи зависит от того, устоит ли оно на следующих ступенях при вынесении решения судьями следующей ступени²¹.

- MetaCourt – это первый юридический проект Metaverse с сетевым, децентрализованным, быстрым и надежным механизмом посредничества и арбитража для споров, возникающих в Metaverse и Web 3.0. MetaCourt продвигает в свои смарт-контракты возможность самостоятельного исполнения арбитражных решений; таким образом, во внутрисетевом арбитраже осуществляется автоматическое исполнение арбитражных решений путем их закрепления в виде смарт-контрактов в блокчейне. Например, денежное возмещение по спору может обеспечено смарт-контрактом, в котором денежные средства представлены в цифровом виде. Во внутрисетевом арбитраже смарт-контракт также зачастую связан со счетом эскроу, на который стороны переводят определенную сумму, из-за которой возник спор, а по результатам арбитража арбитры решают, переводить ли данные денежные средства или вернуть их одной из сторон²².

Современные информационно-коммуникационные технологии требуют изменения существующих механизмов разрешения споров²³. Широкомасштабное использование информационных технологий, цифровизация различных сфер жизни общества изменяют представление человека о мире и своем месте в нем, менталитет субъекта права, его правосознание, а следовательно, и характер жизнедеятельности. В доктрине предпринимаются попытки исследования правовых проблем, связанных с использованием цифровых технологий, однако пока рано утверждать о формировании четкого понимания закономерностей этих трансформаций²⁴. Совершенно очевидно, что сегодня стоят проблемы, связанные с установлением справедливого правосудия в экстремальных условиях коронавирусной пандемии; в качестве вектора будущего – проблемы справедливости правосудия, осуществляемого искусственным интеллектом²⁵. Искусственный интеллект развивается в соответствии с определенными этапами. Предполагается, что появление сверхсильного искусственного

¹⁵ См.: Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/07/arbitration-of-cryptoasset.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

¹⁶ См.: *De Filippi P., Wright A.* Blockchain and the law: the rule of code. Harvard University Press, 2019.

¹⁷ См.: *Lesage C., Ast F., George W.* Kleros. Short Paper v1.0.7. September 2019. URL: https://kleros.io/static/whitepaper_en-8bd3a0480b-45c39899787e17049ded26.pdf (дата обращения: 13.09.2023).

¹⁸ См.: *Русакова Е.П.* Суд KLEROS: революция ли процесса разрешения споров? // Пробелы в рос. законодательстве. 2022. Т. 15. № 5. С. 278–281.

¹⁹ *Ast F. et al.* Dispute revolution. The Kleros handbook of decentralized justice. URL: <https://ipfs.kleros.io/ipfs/QmZeV32S2VoyUnqJsRRCh75F1fP2AeomVq2Ury2fTt9V4z/Dispute-Resolution-Kleros.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

²⁰ См.: *Lesage C., Ast F., George W.* Kleros. Short Paper v1.0.7. September 2019. URL: https://kleros.io/static/whitepaper_en-8bd3a0480b-45c39899787e17049ded26.pdf (дата обращения: 13.09.2023).

²¹ См.: Aragon Network Jurisdiction. Part 1: Decentralized Court. URL: <https://blog.aragon.org/aragon-network-jurisdiction-part-1-decentralized-court-c8ab2a675e82/> (дата обращения: 13.10.2023).

²² См.: What do we mean by on-chain arbitration. URL: <https://metacourt.tech/blog/on-chain-arbitration> (дата обращения: 17.10.2023).

²³ См.: *Gronic I.A.* On some aspects of case management in electronic courts of Indonesia // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 288. Pp. 193–199. DOI: 10.1007/978-981-16-9808-8_21

²⁴ См.: *Хабриева Т.Я.* Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 5–12. DOI: 10.12737/jzsp.2023.001

²⁵ См.: *Клеандров М.И.* Правосудие и справедливость. М., 2022.

интеллекта, который мог бы превзойти возможности человеческого мозга, пока недостижимо. Однако следует согласиться с мнением В.В. Безбаха и Е.Е. Фроловой, что необходимо обратить внимание на предлагаемые дополнительные принципы, которые ориентированы на ответственное управление заслуживающим доверия искусственным интеллектом. Они заключаются в следующем:

1) ИИ должен приносить пользу людям, стимулируя инклюзивный рост, устойчивое развитие и благополучие;

2) системы искусственного интеллекта должны быть спроектированы таким образом, чтобы они не нарушали верховенство закона, права человека, демократические ценности и разнообразие, они должны быть оснащены соответствующими встроенными в них защитными механизмами, например способностью обеспечить вмешательство человека в случае необходимости;

3) системы искусственного интеллекта должны быть прозрачными, с необходимой ответственностью раскрывающими перед человеком принципы получения результатов, достигнутых искусственным интеллектом, и сохраняющими за ним возможность оспорить такие результаты;

4) системы искусственного интеллекта должны быть способны работать надежно и безопасно на протяжении всего своего жизненного цикла, а потенциальные риски их использования должны подвергаться постоянной оценке и управлению²⁶.

Приведенные примеры способов разрешения цифровых споров несут различные риски, но приоритетной тенденцией развития данной области является их тяготение к арбитражу. Потенциальными преимуществами арбитража являются: гибкость и быстрота процедуры, выбор профессионального арбитра, применимого права, конфиденциальность, обязательность и исполнимость арбитражных решений. Все это создает необходимые предпосылки для интегрирования данного способа в процесс разрешения цифровых споров с учетом их специфики.

«Правила разрешения цифровых споров», разработанные Юридической рабочей группой Великобритании, — одна из первых инновационных инициатив в области разрешения цифровых споров, которые действительно могут сделать Англию и Уэльс основным правовым порядком в регулировании данных споров посредством арбитража. Кроме того, планируется, что такие арбитражные решения должны исполняться всеми странами — участниками Нью-Йоркской конвенции «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» по аналогии с арбитражными решениями, вынесенными в обычном порядке.

Следует обратить внимание, что речь идет не об арбитраже в том понимании, в каком он существует в большинстве государств, а скорее об исключениях из этого правила. Поэтому говорить об арбитраже как о способе разрешения цифровых споров не совсем верно. Так, в процессе разрешения цифровых споров еще на стадии обращения к процедуре арбитража возможно внесение изменений в цифровые права сторон, в т.ч. автоматически, что характерно для смарт-контрактов. Еще одной особенностью является возможность участия сторон в процессе анонимно, правда, с оговоркой, за исключением случаев, когда существует необходимость принудительного

исполнения арбитражного решения. Приведенные примеры характерных черт данного способа разрешения цифровых споров указывают на противоречия нормам арбитражного законодательства Англии и Уэльса, а это влечет негативные последствия, связанные с оспариванием арбитражных решений в судах. Положительный опыт признания таких решений на территории другого государства связан с проведением «гибридного» арбитража, в котором, согласно арбитражному соглашению, спор должен быть разрешен арбитражем, но в основу арбитражного решения должно быть положено решение суда Kleros.

* * *

Таким образом, идея сделать арбитраж процедурой разрешения цифровых споров требует реформирования арбитражного законодательства и создания единых унифицированных подходов, выработанных с учетом правовой природы цифровых споров. Происходящий процесс выработки эффективных способов разрешения цифровых споров в Англии и Уэльсе дает все основания предполагать, что право Англии и Уэльса может занять лидирующие позиции в области регулирования цифровых прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Клеандров М.И.* Правосудие и справедливость. М., 2022.
2. *Русакова Е.П.* Суд KLEROS: революция ли процесса разрешения споров? // Пробелы в росс. законодательстве. 2022. Т. 15. № 5. С. 278–281.
3. *Хабриева Т.Я.* Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 5–12. DOI: 10.12737/jzsp.2023.001
4. Aragon Network Jurisdiction. Part 1: Decentralized Court. URL: <https://blog.aragon.org/aragon-network-jurisdiction-part-1-decentralized-court-c8ab2a675e82/> (дата обращения: 13.10.2023).
5. Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/07/arbitration-of-cryptoasset.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).
6. *Ast F. et al.* Dispute revolution. The Kleros handbook of decentralized justice. URL: <https://ipfs.kleros.io/ipfs/QmZeV32S2VoyUnqJsRRCh75F1fP2AeomVq2Ury2fTt9V4z/Dispute-Resolution-Kleros.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).
7. *BezbaKh V.V., Frolova E.E.* Augmented reality and civil law regulation of business relations / eds. A.O. Inshakova, E.E. Frolova. Smart technologies for the digitisation of industry: entrepreneurial environment, smart innovation, systems and technologies. 2022. Vol. 254. Springer, Singapore. Pp. 2–37. DOI: 10.1007/978-981-16-4621-8_3
8. *De Filippi P., Wright A.* Blockchain and the law: the rule of code. Harvard University Press, 2019.
9. *Gronic I.A.* On some aspects of case management in electronic courts of Indonesia // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 288. Pp. 193–199. DOI: 10.1007/978-981-16-9808-8_21
10. *Kozhokar I.P., Sigalov K.E., Rusakova E.P.* Philosophical and legal foundation of the study of legal interpretation technique // Wisdom. 2023. Т. 25. № 1. С. 231–238.
11. *Rusakova E.P., Frolova E.E.* Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. 2022. Vol. 26. No. 3. Pp. 695–704. DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704
12. *Yeoh D.* Is online dispute resolution the future of alternative dispute resolution? Kluwer arbitration blog. URL: <http://arbitration->

²⁶ См.: *BezbaKh V.V., Frolova E.E.* Augmented reality and civil law regulation of business relations / eds. A.O. Inshakova, E.E. Frolova. Smart technologies for the digitisation of industry: entrepreneurial environment, smart innovation, systems and technologies. 2022. Vol. 254. Springer, Singapore. Pp. 2–37. DOI: 10.1007/978-981-16-4621-8_3

blog.kluwerarbitration.com/2018/03/29/online-dispute-resolution-future-alternative-dispute-resolution/ (дата обращения: 10.10.2023).

13. What do we mean by on-chain arbitration. URL: <https://metacourt.tech/blog/on-chain-arbitration> (дата обращения: 17.10.2023).

REFERENCES

1. *Kleandrov M. I.* Justice and fairness. M., 2022 (in Russ.).
2. *Rusakova E. P.* Kleros Court: is revolution of dispute resolution? // Gaps in Russian legislation. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 278–281 (in Russ.).
3. *Khabrieva T. Ya.* Technological imperatives of the modern world and the role of law // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 5–12. DOI: 10.12737/jzsp.2023.001 (in Russ.).
4. Aragon Network Jurisdiction. Part 1: Decentralized Court. URL: <https://blog.aragon.org/aragon-network-jurisdiction-part-1-decentralized-court-c8ab2a675e82/> (accessed: 13.10.2023).
5. Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/07/arbitration-of-cryptoasset.pdf> (accessed: 13.09.2023).
6. *Ast F. et al.* Dispute revolution. The Kleros handbook of decentralized justice. URL: <https://ipfs.kleros.io/ipfs/QmZeV32S2VoyUn-qJsRRCh75F1fP2AeomVq2Ury2fTt9V4z/Dispute-Resolution-Kleros.pdf> (accessed: 13.09.2023).
7. *Bezbakh V. V., Frolova E. E.* Augmented reality and civil law regulation of business relations / eds. A. O. Inshakova, E. E. Frolova. Smart technologies for the digitisation of industry: entrepreneurial environment, smart innovation, systems and technologies. 2022. Vol. 254. Springer, Singapore. Pp. 2–37. DOI: 10.1007/978-981-16-4621-8_3
8. *De Filippi P., Wright A.* Blockchain and the law: the rule of code. Harvard University Press, 2019.
9. *Gronic I. A.* On some aspects of case management in electronic courts of Indonesia // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 288. Pp. 193–199. DOI: 10.1007/978-981-16-9808-8_21
10. *Kozhokar I. P., Sigalov K. E., Rusakova E. P.* Philosophical and legal foundation of the study of legal interpretation technique // Wisdom. 2023. Vol. 25. No. 1. Pp. 231–238.
11. *Rusakova E. P., Frolova E. E.* Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. 2022. Vol. 26. No. 3. Pp. 695–704. DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704
12. *Yeoh D.* Is online dispute resolution the future of alternative dispute resolution? Kluwer arbitration blog. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/03/29/online-dispute-resolution-future-alternative-dispute-resolution/> (accessed: 10.10.2023).
13. What do we mean by on-chain arbitration. URL: <https://metacourt.tech/blog/on-chain-arbitration> (accessed: 17.10.2023).

Сведения об авторах

РУСАКОВА Екатерина Петровна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0001-6488-0754
Scopus ID: 57192093101

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующая кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0002-1852-0085
Scopus ID: 56439998700

Authors' information

RUSAKOVA Ekaterina P. — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

FROLOVA Evgeniya E. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Law Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia